

18+

Антон Зинченко

За чертой

Антон Сергеевич Зинченко

За чертой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48502599

SelfPub; 2019

Аннотация

Большие города, подобно хищникам, пожирают людей, но они во сто крат страшнее любого опасного зверя, медленно поглощая тебя целиком, они убивают не для защиты или пропитания. И возможно, смерть была бы лучшим исходом, ведь дальше ничего нет, ты упокоился. Город же может жевать тебя долго и мучительно так, что ты будешь оставаться в сознании и видеть всё, медленно погружаясь в забвенный смертный сон. Может ли быть что-то страшнее, чем остаться без средств к существованию и крыши над головой? – Может!?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие

Подземные переходы такие же длинные и запутанные, как человеческая жизнь, можно долго идти по тоннелю, не зная, куда он тебя приведет. Так же и многие люди: несутся без оглядки, будто собираются жить вечно, а когда зашел слишком далеко, понимаешь: обратного пути нет. Ты заблудился, потерялся в самом себе, и лишь немногим отчаявшимся удастся найти выход из переходов жизни.

Глава 1

Наступило прохладное осеннее утро, редкие лучи солнца пробивались сквозь пелену низко бегущих дождевых облаков. Устилая землю ковром, с деревьев опадала редкая листва, и моросил мелкий унылый дождь, способный ввергнуть в хандру даже самого жизнерадостного человека. Находиться на улице уже было не так приятно, как в солнечную летнюю погоду, когда природа радовала тебя и грела, несмотря даже на то обстоятельство, что у тебя нет ни гроша за душой и тебе негде жить. В холодную погоду бездомные, обитающие у железнодорожного вокзала, обычно спускались под землю. Кто-то в люки теплотрасс, где, несмотря на жуткую антисанитарию, снующих всюду крыс и отсутствие прочих элементарных норм быта, условия обитания можно было назвать вполне приемлемыми. Здесь вдоль труб находчивые бродяги сооружают себе нары в виде настилов из досок, уложив на них старый матрац, выброшенный кем-то за ненадобностью на помойку, или же просто набивают тюфяк соломой или тряпьем и спят на нем.

Разного рода комнатухи, наверное, знакомы многим из тех беззаботных времен, когда дети строили из подручных материалов шалаш на дереве, на земле, а кто-то и вовсе находил убежище в заброшенных домах, с любовью обустривая их выброшенными кем-то предметами домашней утвари.

ри. Было такое место и у меня. Многих на время школьных летних каникул отправляли в деревню к бабушке или дедушке, поначалу ссылка на три месяца казалась сущим адом. Вырванный из привычной среды ребенок просто переносится за много сотен километров, оставшись без привычных друзей и игрушек, в мир совершенно непонятный и иной. Веселые игры тут же заменяют работами на огороде и уходом за скотом. А интересные рассказы сверстников – взрослыми нравоучениями. Конечно, когда проходит период акклиматизации и ты втягиваешься в новую действительность, все уже кажется не таким ужасным, и постепенно ты начинаешь находить интересными повседневные занятия трудотерапии, ведь и из них ты черпаешь что-то новое.

А когда удастся вырваться из-под опеки и погулять с друзьями, вы находите комнату на чердаке старого заброшенного дома и начинаете ее с любовью обустраивать. Трепетно расклеивать на стену пустые пачки из-под сигарет, заменяя ими обои, одновременно показывая, насколько ты крут, выкурив множество папирос. С родни спортсменам, выставленным вдоль стены свои трофеи, показывая личные или командные достижения. Но здесь в противоположность кубкам и медалям ты обязательно прячешь в одну из старательно расклеенных пачек папиросу на черный день и благодаря изобилию упаковок забываешь, в какой именно хранится заветная сигарета, и не остаётся ничего, как проверять каждую пачку в поисках надежно спрятанной закладки.

Проходят дни и недели беззаботного детства, и, как-то снова вырвавшись из-под надзора взрослых, ты приходишь в свое логово и видишь его не таким, как раньше, обида сжимает кулаки, а грусть давит на глаза, силясь выжать из них слезы. Соседские мальчишки нашли и осквернили твое убежище. На полу валяются раздавленные пачки из-под «Лаки страйк», так бережно собиравшиеся тобой, ты просто в ярости, дверь, которую вы, надрываясь, тащили с помойки, разломана надвое и более не пригодна в роли дивана. Но самое скверное не это, подонки нашли вашу записку, бережно откладываемую на черный день, и тут ты невольно понимаешь, что этот день наступил! Ко всему прочему, им хватило наглости нашкодить на стол и, натывав экскременты спичками, написать на клочке бумаги, валяющемся рядом, послание: «Этот ежик теперь будет жить с вами».

Обычно после подобного осквернения убежище становилось заброшенным.

Большинству знакомо чувство и ощущение от подобных потерь, но тем и хорошо детство, что во многих случаях есть куда ретироваться и забыть обо всем происшедшем. Стереть из памяти все происходящее и продолжать радоваться жизни, найдя себе другие занятия и увлечения. Вернуться в свой дом. Плохо, когда ты вырос, дома у тебя нет, а место, его заменяющее, трудно назвать даже каким-то подходящим синонимом. Это уже не детская комнатка, а что страшнее

всего – это уже не игра и порой даже не жизнь, а борьба за существование, и всегда борьба на выживание, насмерть!

Глава 2

Большие города, подобно хищникам, пожирают людей, но они во сто крат страшнее любого опасного зверя, медленно поглощая тебя целиком, они убивают не для защиты или пропитания. И возможно, смерть была бы лучшим исходом, ведь дальше ничего нет, ты упокоился. Город же может жевать тебя долго и мучительно так, что ты будешь оставаться в сознании и видеть всё, медленно погружаясь в забвенный смертный сон. Вначале город оторвет от тебя самый лакомый кусок, именуемый личностью, разжуёт растопчет и выбросит на помойку в прямом смысле этого слова. Но и там ты не найдешь покоя, ибо помойка – это другой город – другой хищник! Со своими уставами, законами и устоями. Его населяет масса таких же раздавленных, растоптанных и выброшенных на произвол судьбы, и, казалось бы, хуже некуда. Но в какой-то момент ты понимаешь, что хищники есть и там. А кем ты станешь, живя с волками, зависит только от тебя.

Конечно, отдельным городом можно назвать и подземные переходы, где многие переступающие ту призрачную черту, названную очень скудно обобщенным в обществе потребителей словом «порядочность», занимаются своим привычным делом: побираются, злоупотребляют спиртными напитками или спят, где придется, в отсутствие лучшего места для ноч-

лега. Те, кто до социальной смерти был наделен талантом или получил образование, могут играть на музыкальных инструментах. И ждать, пока им подадут, приговаривая: «Да не оскудеет рука дающего». Все эти нищие и бездомные люди, возможно, сами того не подозревая, создают отдельное государство со своей иерархией и законами, город в городе, который не могли обойти стороной и всякого рода паразиты, любящие полакомиться на его теле. Преступные авторитеты, разного рода жулики и прочая тварь, получая дань с и без того нищих людей, угрожая за отказ платить скорой расправой, которая может быть не так страшна, как угроза человеку, привыкшему жить в городе, что его еще раз исключат из общества и он второй раз умрет. А это означает новое падение в ад, за все его известные круги, а там только неизвестность, холод и страх.

Большинство коренных обитателей подземки и других значных мест уже смирились со своей участью, в общепринятом понимании социально деградировали и не представляют уже другой жизни. Хотя все они родились в правовых государствах, у многих была семья, работа и столь ценный каменный ящик, именуемый квартирой. В общем, многие блага цивилизации. Конечно, лишились они всего этого по разным причинам. Некоторых обманули мошенники, выселив на улицу, другие, освободившись из мест, не столь отдаленных, отправились на свободу с чистой совестью, кто-то поругался с семьей или просто был ленивым и, увлекшись алко-

голем, деградировал. А иные – и все вместе взятое. Полицейские на вокзале уже давно перестали обращать внимание на попрошаек. Выгонять их бессмысленно, все равно вернутся, в камере они не нужны, могут быть заразны, плохо пахнут, да и взять с них нечего. Благодаря этим и ряду других причин они и продолжают жить в нашем мире, но подчиняться законам мира своего.

Именно в одном из множества промерзших, выложенных серым гранитом, грязных переходов и начинается наша история.

Михаил не знал родителей, он вырос в детдоме, где, пройдя через нелюбовь воспитателей и издевательства старших ребят, он все же выпустился, успев в свои 18 лет познакомиться с полицией и криминальным миром не понаслышке. Он не знал, что такое нормальная жизнь, интересна была лишь улица, алкоголь и попытки украсть то, что плохо лежит.

Так как наше «государство заботится обо всех его гражданах», то и о Михаиле оно позаботилось, выделив ему по достижении совершеннолетия однокомнатную квартиру в обычной полуразвалившейся пятиэтажной хрущевке на окраине города. И, казалось жизнь должна наладиться, но, увы, Михаил, почувствовав вкус свободы, начал пить и связался с сомнительной компанией, которая, войдя к нему в доверие, быстренько реализовала его квартиру, подсунув ему пьяному на подпись бумаги о продаже. Наш герой, ко-

нечно, верил в закон, хотя всегда при первой же возможности его нарушал, и обратился в полицию, откуда, выслушав для проформы, Мишу выгнали пинком под зад, мол, сам виноват. Так он и оказался на улице, ничего не имея и не умея, Михаил видел лишь два пути. Либо совершить преступление и сесть в тюрьму, чего ему совсем не хотелось, либо поддаться вольной жизни и жить как карта ляжет, тем более подобный опыт у него имелся. Очутившись в подземном переходе, поначалу он просил милостыню, не прибегая ни к каким уловкам, ему неохотно, но подавали, обычно не более двух сотен рублей в день. Время шло, Михаил обзавелся пышной шевелюрой и бородой, будто по мере роста волос опускаясь все ниже и ниже по социальной лестнице. Мыться было негде, и в добавку к шевелюре прибавились дурной запах и грязь. На застолья денег не хватало, и водку сменили денатураты и прочие спиртосодержащие продукты. А едой в лучшем случае был обычный хлеб, благо хоть на это денег много не требовалось. Все это привело к тому, что в свои 20 лет Михаил стал выглядеть в 2 раза старше, да и сил у него практически не оставалось, ибо сидение на холодном граните еще никому здоровья не прибавило.

Как-то в один из осенних дней, подстелив на пол картонку, Михаил сидел на привычном месте в переходе с табличкой в руках «Подайте сироте Христа ради». Обычный будний день не предвещал ничего хорошего, время перевалило за полдень, а в потрепанной крошечной коробке для под-

ношений одиноко валялась 10 рублевая монета, оторванная от сердца сердобольной старушонкой. Михаил закемарил, но спустя мгновение из мира грез его вывел крепкий мужской голос. Открыв глаза, Михаил увидел перед собой сидящего на корточках парня.

Незнакомец достал из кармана бумажник и, вынув из кошелька пару сотен, бросил купюры в коробку. Михаил расплылся в улыбке, начал было благодарить незнакомца всеми словами, заготовленными для подобного случая, с пожеланиями добра и божией благодати. На что парень достал буханку хлеба и молча протянул Михаилу. Последний принял подавание и принялся жадно поедать горбушку, то и дело поглядывая на благодетеля.

Дождавшись, пока бродяга закончит трапезу, незнакомец так же молча достал из сумки бутылку пива и, откупорив крышку, протянул напиток Михаилу, в один глоток опустошившему сосуд с заветной жидкостью.

– Анатолий, – проговорил незнакомец, протягивая руку. Бродяга смачно рыгнул, вытер рот и протянул руку в ответ.

– Михаил.

– Интернатовский?

– Да, – оскалив зубы, проговорил Михаил.

– Не спускай все на бухло, поешь немного, – с этими словами Анатолий поднялся и ушел. Михаил осмотрелся по сторонам и, быстро вытащив из коробки деньги, спрятал их в трусы.

За следующую неделю Анатолий приходил еще несколько раз, всячески подкармливая и подбрасывая денжат Михаилу, а в один из дней даже дал бродяге пятьсот рублей.

Обрадовавшись неплохому навару, Михаил решил выпить, конечно, одному пить было крайне скучно, а к тому же имелась возможность угостить друзей по несчастью. Только вот привычное пойло оказалось паленым, а безопасная норма выпитого была превышена в несколько раз, да так что Михаил сильно траванулся, до адских болей в животе, попеременно сменяемых рвотой слизью вперемешку с кровью. А больше было и нечем, закуска в подобного рода застольях использовалась крайне редко, многие бездомные, и Михаил в частности, считали, что она крадет градус. Так он и лежал несколько дней на трубах, не в силах встать, казалось ноги стали чужими и совсем не слушались, с огромным трудом он пил воду и ел черствый хлеб, заботливо принесенный собутыльниками, а спустя мгновение изрыгал проглоченную провизию, вновь корчась в адских болях.

Анатолий несколько дней подряд проходил мимо места встречи с Михаилом, но уже который раз оно пустовало. И вот в один из дней вместо Михаила он увидел заросшего бродягу. Анатолий подошел и уставил пристальный взгляд на попрошайку. Тот немного засуетился и съезжился.

– Где Михаил? – грозным голосом проговорил Анатолий.

Бродяга немного смутился и шепеляво ответил:

– А я почему знаю?

Анатолий достал из бумажника пару сотен и протянул их шепелявому.

– Они твои, если отведешь меня к нему.

– Ты не мент случаем?

– Типун тебе на язык, мы из одного интерната, – подмигнув, проговорил Анатолий.

– А, ну, раз так, то пошли, – вырвав деньги из руки, шепелявый вмиг поднялся и уверенным шагом направился к выходу из перехода. Анатолий пошел следом. Вскоре они добрались до небольшого закоулка, где шепелявый, осмотревшись по сторонам, отодвинул металлический люк и, отступив в сторону, молча указал рукой вниз. Анатолий недоверчиво помотал головой. Бродяга лихо спустился и через мгновение исчез во мраке подземелья. Анатолий поморщился от затхлого запаха сырости и нечистот, бьющего из люка, напрочь отбивая желание обычного человека не то что лезть вниз, а даже находиться рядом с этим местом. Анатолий, будто ныряльщик, набрал полную грудь воздуха и невероятным усилием воли заставил себя спуститься по липкой металлической лестнице в один из колодцев теплотрассы.

Добравшись до дна, Анатолий на несколько секунд задержался на лестнице, задумавшись, стоит ли идти дальше, и нерешительно ступил на влажный земляной пол. Спустя минуту глаза привыкли к мраку, и в конце длинного узкого по-

мещения на трубах он увидел шепелявого.

– Вот он, пролазь сюда, хреново ему, траванулся, – извещил уже знакомый голос.

Анатолий послушно пригнулся и полез вдоль труб.

– Ох, мать, ну тебя и поменяло, – проговорил Анатолий, увидев распухшее лицо Михаила.

Михаил в ответ лишь промычал.

– Давно он такой? – спросил Анатолий.

– Третий день лежит, сегодня кормежка была, так я ему порцию попросил, супом его накормил, только обратно все вышло, все заблевал, сволочь, – с этими словами шепелявый недовольно зыркнул на Михаила.

– Ты бы хоть люк открытым подержал, воздух свежий впустил.

– Так нельзя, вдруг менты или еще кто хуже.

– А больничка что? Скорая?

– Смеешься, что ли? Не хотят они с бомжом возиться, сюда и за деньги не полезут. А одному мне его не вытащить, у него вроде как ноги отказали.

– Ты ждешь, пока он помрет здесь?

– Ну и люди! Заявился невесть откуда, ещё и обвинять меня взялся, я его подкармливаю тут три дня да блевотину убираю, вон глянь, он ведь под себя ходит, – взъелся было шепелявый.

– Давай так, мы его вдвоем ко входу перенесем, там хоть дышать можно, – взяв за руки и ноги Михаила, Анатолий с

шепелявым перенесли его к металлической лестнице и положили на подостланную картонку, приоткрыв колодезный люк, впуская в затхлое помещение свежий воздух.

– Одежда другая есть? Надо бы его переодеть.

– Было что-то, сейчас поищу, – шепелявый направился в другой конец помещения, долго откидывал какие-то доски и позже вернулся с дорожной сумкой, в которой принялся рыться.

Анатолий нарушил затянувшееся молчание:

– Держи денег, купишь пару бутылок воды. А я в аптеку, да смотри бабло на водку не потратить, ты мне еще нужен, – сторублевая купюра тут же исчезла в руках шепелявого.

Анатолий, подобно нырятьщику, израсходовавшему весь кислород, задержавшись на дне дольше положенного, вынырнул из люка, жадно глотая свежий воздух, и, борясь с головокружением, прямиком направился в аптеку. Благо знание ситуации у него имелось, раньше он и сам любил крепко злоупотребить и пару раз находился в подобном бессознательном состоянии, однажды даже чуть не умер, напившись до чертиков, и выхаживать себя приходилось самому. Конечно, случай с Михаилом был особый, но все же какое-то действие было лучше любого бездействия.

Из аптеки Анатолий вернулся с растворами для капельницы, витаминами и абсорбентом. Вскоре появился шепелявый. Вместе они переодели Михаила, Анатолий приготовил раствор и, протерев место под укол спиртом, под жадным

взглядом шепелявого спрятал пузырьёк крепкой жидкости и поставил Михаилу капельницу.

Подстелив картонку, Анатолий уселся на пол подле своего пациента. Шепелявый подсел рядом и, достав две бутылки пива, протянул одну Анатолию, тот принял напиток, открыл зажигалкой крышку и, сделав глоток, поставил бутылку подле себя.

– Про пиво ты ничего не говорил, – отхлебнув полбутылки и смачно рыгнув, проговорил шепелявый. – А ты это, я смотрю, в медицине шарить? Никак врач?

– Нет, не врач. Мамка у меня медсестрой была, всю жизнь проработала в больнице. Я часто к ней на работу приходил после школы, она меня и учила всему, что сама знает, хотела, чтобы я врачом стал. Но, увы, обстоятельства, – Анатолий погрузился в воспоминания, глотнул пива и, закурив «Приму» без фильтра, закашлялся.

– Хорошо получается, что я после кормежки на место Мишки попрошайничать пошел, тебя встретил, а то я, признаться, уже парня мысленно схоронил, – нарушил затянувшееся молчание шепелявый.

– Тебя как звать-то? – проговорил Анатолий.

– Гришка, но ты зови Шепелявый, все так зовут, я привык уже!

– А я Толик. Думаю, это ему помочь должно, он молодой еще, организм справится. Правда, еще два-три раза прокапать его придется.

Анатолий в один глоток допил пиво и, порывисто поднявшись, подошел к Михаилу, отсоединил капельницу и проговорил:

– Ты вот что, Шепелявый, последи за ним. А я по делам, вечером загляну, еды ему принесу.

Анатолий, как и обещал, появился вечером и застал Михаила пробудившимся, но все еще лежащим на импровизированном ложе. Глаза бродяги засияли при виде знакомого лица.

– Выглядишь ты ни к черту.

– И чувствую себя так же, – ответил Михаил.

Анатолий вновь поставил Михаилу капельницу и сел подле.

– Помрешь ты здесь, жалко тебя, молодой ведь совсем. Ещё жить да жить. А здесь хуже собаки существуешь. Этому, – Анатолий указал рукой на Шепелявого, – уж конченный, а у тебя жизнь впереди.

В ответ Михаил лишь тяжело вздохнул.

– Я живу за городом, всего-то 60 километров, у меня есть большой дом, пасека, огород, мне не хватает рабочих рук. Если хочешь, я могу забрать тебя с собой, дам бесплатное жилье, буду платить за работу. Выходишься, пару месяцев поживешь, а там уж сам решай, как быть дальше.

Михаил не помнил, чтобы кто-то ему предлагал что-нибудь дельное в жизни, не говоря уже о каких-то проявлениях

заботы. В любом случае он решил ухватиться за этот шанс, ведь вернуться назад никогда не поздно.

Глава 3

Взгляд Михаила невольно устремился в окно, больше здесь смотреть было не на что. Напротив сидела ничем не примечательная старушонка, все время охала и сморкалась в выцветший носовой платок. Рядом с ней расположился пьяный деревенский мужик в ватнике и скошенной набок шапке-ушанке, от здоровяка исходил лютый перегар, он с трудом справлялся с задачей усидеть ровно, то и дело норовя пристроить голову на плечо старушке, на что та резким движением вполоборота разворачивалась, здоровяк просыпался и сурово надув губы, будто ребенок, у которого отняли конфетку, озирался по сторонам в поисках обидчика, пока снова не проваливался в беспокойный сон. Михаил устремил взор в окно, силясь разглядеть сквозь непроглядную тьму хоть что-то. Мимо то и дело проплывали огни одиноких semaфоров, освещавших живую стену деревьев, принимавших причудливую форму под неверным светом дорожных огней. С момента отправления электрички Анатолий не проронил ни слова, находился где-то в глубине мыслей и лишь изредка поглядывал на ловкую старушонку.

Михаил не решался с ним заговорить, а может быть, и не хотел. Он лишь смотрел на ночной лес и задавался вопросом, что скрывается за этой непроглядной тьмой.

Именно такой же тьмой ему казалась дальнейшая судьба,

он не знал, что с ним будет завтра, но отчаянно вглядывался вперед, подобно морякам, смотрящим в густой туман, хранящим в сердце надежду, что где-то за ним ждет родной берег, прекрасно понимая, что там может скрываться и айсберг, коварно затаившийся во мгле в ожидании добычи.

Электричка сбавила ход, подала пару гудков, и вскоре за поворотом показалось несколько освещенных дворов, а вслед за ними из темноты появился перрон с покосившимся деревянным домом смотрителя.

Сидящая напротив старушка заметно оживилась и принялась собирать котомки, а после, люто выругавшись на пьяного соседа, начала что было сил его тормошить, покрывая последнего всеми бранными словами, услышанными за длинную жизнь.

Алкаш в ответ лишь виновато моргал, но поняв, что происходит, поднялся и, забрав из рук женщины котомки, отправился к дверям.

Взор бабушки обратился к Анатолию.

– Уж простите моего сынка, пьет беспробудно, – с этими словами старушка удалилась вслед за нетрезвым чадом. Анатолий потеревил Михаила за рукав и чуть слышно проговорил:

– Это наша станция, – а после поднялся и направился к выходу.

Вскоре, издавая протяжный металлический скрежет, электричка остановилась, и Михаил неохотно шагнул из

освещённого вагона во мрак неизвестности.

Прохладный воздух принял пассажиров в крепкие объятия. Михаил натянул шапку и запахнул куртку, опоясавшись ремнем, ибо половина пуговиц на тулупе отсутствовала.

Неожиданно дурная привычка превратилась в навязчивое желание.

Анатолий будто почувствовал это и достал из-за пазухи бутылку пива, отглотнул напиток и передал емкость Михаилу, жадно принявшему пойло, осушив в один глоток остатки спиртного и швырнув бутылку в кусты.

Анатолий покосился на Михаила, что-то проговорив о природе и мерзких крысах, ее загрязняющих, но Михаилу было все равно. Алкоголь приятно обжигал пустой желудок и, изрядно опьянив, придавал сил. Так что Михаил молча следовал за своим провожатым.

Шли они с полчаса в обход деревни, держась ближе к опушке леса. Михаилу начало казаться, что они ходят кругами и никогда не доберутся до места, как Анатолий остановился и указал рукой вдаль. В стороне от домов на окраине деревни виднелся силуэт двухэтажного деревянного дома. Немного пройдя, они уперлись в ветховатый забор из валяжника, Анатолий отогнул одну из палок и отошел в сторону, пропуская Михаила вперед. Пройдя огородом, они очутились на пороге покосившегося от старости домишки. Анатолий так же молча отворил дверь и, отойдя в сторону, пропустил гостя.

Михаил проскользнул в темный коридор, полный плотно-го застойного воздуха, вытесняя из него залежавшийся мрак, давивший всей массой на любого, кто рискнет сюда войти.

Хозяин прошел следом и, усевшись на деревянный табурет, снял сапоги и молча уставился на гостя.

Михаилу стало не по себе от такого взгляда. Была в нем какая-то необъяснимая угроза, но каждодневно ловивший на себе сотни ожесточенных взоров проходящих мимо людей бродяга попытался списать это на тяжести пути. Не хотелось Михаилу думать, что у нового знакомого может быть подобный взгляд, но будучи опытным бездомным, он, подобно уличному псу, научился определять степень исходящей от посторонних угрозы, глаза говорят о многом, ведь это зеркало души. А по-другому было и не выжить в этом опасном мире, где каждый прохожий может являться настоящей угрозой. Бывало, конечно, что многие впоследствии меняли гнев на милость и даже подавали бедолаге мелочевку. Но именно с этим взором он не ошибся, ему уже однажды приходилось встречать что-то похожее: ненависть, злобу, жажду крови. Вот и сейчас он даже сквозь непроглядный мрак почувствовал остановившийся на себе взор хищника, и по спине пробежали мурашки. На мгновение страх охватил все тело, обездвижил, лишая любой возможности на спасенье. И в голову отчетливо вернулись ужасные события давно минувших дней, будто это происходило сейчас.

В один из ничем не примечательных дней Михаил как обычно сидел на своем привычном месте в подземном переходе, расположившись на накрытом картонкой небольшом куске фанеры, подостланном на холодный гранитный пол. День этот особенно запомнился Михаилу, он был предпраздничным, перед Рождеством, и оказался довольно прибыльным. Рассчитавшись с поборниками, собирающими дань с бомжей за возможность располагаться в хорошем людном месте, Михаил радовался, что удалось оставить себе несколько соток, и к вечеру скудный сухой ужин вполне можно будет разбавить бутылкой водки.

Не успели мысли о застолье отступить, как Михаил увидел перед собой четверых молодых людей. Все как один в бомберах и берцах, с обритыми наголо головами. Михаил и раньше встречал скинхедов, и сразу старался ретироваться в людное место или поднять шум, обращая на себя внимание прохожих. А то и вовсе приходилось обращаться к милиционерам, являвшимся куда меньшей угрозой, чем отморозенная молодежь, считавшая бродяг недостойными жизни, но сегодня молодчикам удалось застать его врасплох.

Почувствовав решительный настрой скинхедов, Михаил даже не пытался пошевелиться, все еще храня надежду отделаться малой кровью.

– Вставай, сучара, – проговорил скинхед с кривым, видимо, выдержавшим не один удар носом.

– Бить будете? – чуть слышно произнес Михаил.

– В тебе здоровья грош, убогий, давай бабло! – проговорил другой.

Михаил на секунду прикинул, что к чему, и, поняв, что деньги можно заработать снова, вынул заветные три сотни и протянул их вверх, не подымаясь с места.

Один из парней вырвал деньги, смачно сплюнул на пол и саданул кулаком в скулу Михаилу. Бродяга взвыл.

– Заткнись, бомжара, – прокричал один из парней. – Это все?

– Клянусь богом.

– Точно? А если найду?

– Клянусь богом, это все деньги.

– Что-то ты часто своим грязным ртом Бога вспоминаешь, – проговорил горбоносый. – Пойдем на улицу, потолкуем.

Михаил поднялся, прикинул шансы убежать и в ту же минуту был подхвачен под руки и почти внесен вверх по лестничному переходу. Михаил обреченно пошел в сопровождении скинхедов, ежесекундно озираясь по сторонам в поисках милицейского патруля.

Вскоре вокзальная площадь сменилась железнодорожными путями, и скинхеды завернули в закоулок меж одноэтажных складских построек.

С ходу Михаил получил удар ногой и упал, распластавшись на земле.

– Не бейте, Христом Богом молю, – взревел бродяга, встав

на колени перед обидчиками.

– Ты что, от нас прятаться решил, сучара? Долго ты бегал.

– Простите, простите меня, Богом молю.

– Не упоминай имя Господа всуе, – проговорил один из обидчиков, и в следующее мгновение последовала серия ударов ногами.

– Как накажем этого бегуна? – обратился горбоносый к своим товарищам, а после, не дожидаясь ответа, подошёл к стоящей рядом разрушенной хибаре, отломал пару досок и, вытащив из них несколько длинных гвоздей, вернулся к Михаилу.

– Сейчас я приближу тебя к Господу, раз ты так часто его вспоминаешь.

– Не надо, – заревел Михаил, но град ударов вновь посыпался на бедолагу.

Молодчики пинали ногами, били руками и отрывали куски одежды до тех пор, пока Михаил не очутился на земле обездвиженный, в чем мать родила.

Он почувствовал, как его перевернули на спину, после увидел кирпич, мелькнул ржавый гвоздь, и резкая боль пронзила все тело. На губах отчетливо ощущался металлический привкус крови, крик отчаянья вырвался из глотки и тут же был приглушен подошвой сапога.

– Это еще не все, сука, терпи, как Бог терпел, – проговорил горбоносый скинхед, заглянув так глубоко в глаза жертвы, что, должно быть, увидел душу. Именно этот взгляд и

запомнился Михаилу, отложился где-то глубоко в памяти и еще много раз снился в кошмарах.

Вскоре силы и сознание покинули и без того ослабшее тело. На мгновение им овладело осознание всей нелепости происходящего. Безумие мира, в котором человека могут лишить жизни лишь за то, что он не похож на других. И лишь его нынешнее низкое социальное положение дает душегубам право на убийство, они даже не задумываются, что лишают жизни человека. Михаил будто бы ушел в пространство, взглянул на себя со стороны, на мгновение примерив роль фантома. Казалось вместе с кровью из тела утекает и жизнь. Странные ритмичные стуки, похожие на монотонный перезвон церковных колоколов, отбивали ритм сердца, с каждым мгновением удлиняя интервалы ударов, нороя и вовсе заглохнуть без должной встряски.

Но она все не приходила, да и нужна ли она была, может, лучше закончить жалкое существование в убогом обличии? Михаил приготовился умереть, но у судьбы на его счет были другие планы.

Работник пути, в чью профессиональную обязанность входит обход железнодорожных рельсов, промерзнув должным образом, решил на пару минут отделиться от рабочей бригады и завернуть в укромный уголок, дабы там в гордом одиночестве опустошить приготовленный утром чекланчик с горячей жидкостью, впусив в свое тело столь нужное заветное тепло.

Рука потянулась под телогрейку, где в нагрудном кармане у сердца лежал столь нужный пузырек. С ходу завернув за угол, скинув на землю крышку бутылки, рабочий шумно выдохнул и, прищурив от удовольствия глаза, решил в один глоток покончить с пойлом, как взгляд его остановился на лежащем в озере крови истерзанном человеке. Бутылка выпала из ослабшей на мгновенье руки дорожного рабочего. Пулей он бросился к товарищам и, отобрав у опешившего бригадира рацию, сообщил об ужасной находке в диспетчерскую, а после вновь вернулся к изуродованному телу уже в сопровождении коллег.

Михаил очнулся на полу в комнате. Рядом в кресле сидел Анатолий. Будто почувствовав пробуждение гостя, он, не поворачиваясь, заговорил:

– Видимо, это последствия отравления. Ты уж извини, что не уложил тебя на диван. Пойдем, – Анатолий порывисто поднялся с кресла и, не дожидаясь Михаила, вышел на улицу. Во дворе было темно, хоть глаз выколи, лишь слабая лампочка над крыльцом, как могла, разгоняла мрак ночи.

Анатолий закурил и указал вдаль.

– Складывай свою одежду в кучу вон на том пепелище и потом иди в душ, там хозяйственное мыло и бритва, приведи себя в порядок, а я пока подыщу для тебя чистую одежду.

Горячая вода обжигала тело, Михаил уже и забыл, как это приятно, за время своих скитаний он мылся только два раза,

когда в город приезжал какой-нибудь значимый чиновник, милиция вычищала общественные места от бездомных, свозя всех в приемник, чтобы не портили вид города, а там санитарная обработка и водные процедуры были обязательными, побыв там один или два дня, Михаил сбегал, не любил он контроль, правила и строгий распорядок еще со времен детдома. Да и контингент в приемнике был поражающий своим разнообразием, по большому счету бомжи, калеки, кто без ног, кто без рук, для них там была гарантированная кормежка и ночлег и хоть какой-то шанс дожить остаток дней в человеческих условиях.

Приведя себя в порядок, Михаил вышел из душа и увидел на стуле, стоящем рядом, новую одежду – штаны и куртку защитного цвета. Михаилу они пришлись впору, как будто и были пошиты на него. Стоило Михаилу одеться, как появился Анатолий с машинкой для стрижки. Усадив гостя на стул, он аккуратно состриг его космы, а после позвал Михаила в дом, где на столе уже дымился картофель в мундире. Анатолий достал графин водки и, разлив по чуть-чуть, строго-настрого указал, что сегодня в честь приезда они выпьют, но более пьянство повторяться не должно, Михаил хоть и с трудом, но принял условия хозяина, деваться было некуда. За ужином Анатолий рассказал, что Михаил будет жить в соседнем домике, о том, что он сам когда-то бродяжничал, злоупотреблял спиртным и был на грани жизни и смерти, тогда его спас один хороший человек, работавший участковым

милиционером в том месте, где жил Анатолий. Он и поселил его в этот дом, являющийся пасекой. Здесь Анатолий работает, ухаживая за пчелами. Милиционер сам приезжает редко, в основном по звонку, забирать мед, а когда бывает, и то в дом не зайдет. К сезону Анатолий нанимает еще рабочих, обычно это бездомные, и живут они в том самом домике, а как сезон заканчивается, каждый волен делать, что хочет.

– Я никого не гоню, они могли остаться и на зимовку, но кто-то, подзаработав, уезжает, а кто и вовсе сбегает, побоявшись работы, иногда с продукцией. Порядки здесь не строгие, но выполняться должны безоговорочно. Ты это учти! А сейчас давай спать, сегодня ложись на диване, а завтра в доме обустроишься.

Михаил, не раздеваясь, улегся на мягкий диван и закрыл глаза в надежде уснуть, но сон все не приходил. Множество мыслей прогнали его без следа. Михаил испытывал двоякое чувство, с одной стороны, он был рад, что его жизнь наконец-то может наладиться, он нашел хлеб, кров и возможность провести здесь какое-то время, подзаработать и, отблагодарив хозяина, вернуться к человеческому образу жизни. Михаил мечтал о большой семье, но ничего для этого не делал, и вот, кажется, появилась возможность. А с другой стороны, все свалилось как снег на голову, он давно не верил в безвозмездную помощь и не мог понять, для чего Анатолий его подобрал, а в запуганном с годами сознании роилась куча тревожных дум. Да и, ко всему прочему, слишком долго

Михаил слонялся без дела и жил без каких-либо правил и теперь боялся, сможет ли он найти в себе силы отказаться от бродяжничества и начать работать. Михаил долго и безуспешно пытался прогнать из головы множество страхов и сомнений и не заметил, как рассвело. С зарей запели петухи, и лишь Михаил уснул, его разбудил голос Анатолия:

– Как же я хорошо выспался, пора вставать. Пить больше не будем, время делать зарядку, – Михаил подавил внезапно накотившее раздражение и поднялся с дивана, от мягкости которого ныло все тело. Анатолий, в чем мать родила, выбежал во двор, схватил два ведра и под пристальным взглядом недоумевающего гостя побежал к колодцу. Набрав в обе емкости воды, он поставил ведра и начал бегать вокруг колодца, то приседая, то делая выпады, то ходя гуськом. Пару раз он звал Михаила присоединиться, но тот, лишь пожившись от холода, застегнул куртку. В завершение сего мероприятия Анатолий вылил на себя оба ведра и, набрав новые, окатил Михаила с ног до головы. Михаил хотел было выругаться, припоминая все крепкие словечки, но с трудом сдержался. Анатолий просверлил гостя взглядом и, резко толкнув, прижал его к стене дома. Бродяга опешил.

– Ударить меня хочешь? – брызжа слюной, закричал Анатолий.

Михаил лишь молча смотрел в налитые кровью глаза хозяина дома.

– Умывайся, здесь есть правила. Не вздумай их нару-

шать, – Михаил ничего не ответил в надежде поговорить с Анатолием, когда он успокоится, подумав, что тот просто встал не с той ноги.

Промокший до нитки Михаил уселся на лавке у дома. Вскоре вышел Анатолий и присел рядом.

– Ты извини, с утра я бываю вспыльчивый, просто делай, что положено, и тогда мы с тобой поладим, – проговорил он как ни в чём не бывало.

Понимая, что выбор у него сейчас не велик: оставалось просто уйти или принять извинения, – Михаил кивнул в ответ.

– Вот и славно. Раз уж ты замерз, у меня есть для тебя работа. Анатолий вынес из дома топор и направился в лес, промокший Михаил послушно побрел следом. Выйдя на опушку леса, Анатолий передал топор и указал рукой вдаль.

– Там несколько поваленных деревьев, их нужно разрубить и наколоть, потом вернешься, возьмешь телегу и перевезешь дрова, а я пока приготовлю место, куда их сложить.

С этими словами Анатолий удалился, а Михаил побрел на делянку, где его взору предстало с десятков поваленных берез. Устало выдохнув, он принялся за дело. Поначалу работа спорилась, но спустя час азарт покинул Михаила, уйдя вместе с силами. Парень с трудом передвигал ноги, мышцы которых начали атрофироваться из-за маленькой нагрузки и постоянного сидения на холодном гранитном полу, а руки стали чужими и то и дело норовили выронить топор, став-

ший теперь настоящей кувалдой.

– И все ведь это из-за водки, – вскричал Михаил, бросив топор в растущую рядом березу. – Все, завяжу, на кого я стал похож, дерево разрубить не могу.

Михаил уселся на пенек и вытер руками полившиеся из глаз слезы.

– Трудотерапия, мать вашу, – он со вздохом взглянул на появившиеся на руках кровавые мозоли.

Изрядно вымотавшись, Михаил решил прогуляться и пошел назад по направлению к деревне, сознательно обходя лесом дом Анатолия. Вскоре деревья поредели, и грунтовая дорога по обе стороны начала обрастать осевшими деревянными домиками. В некоторых домах горел свет, а из печных труб валил дымок, другие же, в противоположность, выглядели сонными и вялыми. Михаил прошел вперед и как вкопанный остановился у одного из домов с открытыми окнами. Легкий ветерок доносил до Михаила запах пекущихся пирогов, навеяв приятные воспоминания из детства.

В редкие предпраздничные дни аромат готовящейся выпечки разносился из столовой детского дома по всему корпусу. Может быть, по этой причине запах пирогов всегда ассоциировался у Михаила с праздником. Ноги будто подхватили тело и привели к забору. Михаил долго вдыхал аромат готовящихся яств и глядел на опушку леса, виднеющуюся сразу за огородом, не заметив, как на крыльце появилась дряхлая старушонка.

Женщина неспешно подошла к калитке.

– Вы что-то хотели? – проговорила она мягким старушечьим голосом.

– Простите, у вас так пахнет пирогами, это навеяло приятные воспоминания.

– Воспоминания – это хорошо, подождите минутку, – с этими словами бабушка не по-старчески резво скрылась в избе и спустя минуту протягивала через забор сверток с пирогами для Михаила.

– Возьмите, пусть воспоминания будут еще и вкусными.

– Спасибо, – парень жадно принял сверток, сглотнул подступающую к горлу слюну, подавил урчание в пустом желудке и, оглядевшись по сторонам, как голодный пес смотрит, не угрожает ли кто-нибудь найденному лакомству, спрятал пироги в карман. И собрался было идти, как вдруг осторожно повернулся, почувствовав какую-то тяжесть, будто ноги залили в бетон, и он мгновенно застыл.

– Может, и я для вас чем полезен буду, помощь какая по хозяйству нужна?

Бабушка ненадолго задумалась.

– Ну, разве что крыльцо починить, ступени проломились, а шагать через одну уже трудно – старость.

– Крыльцо? Постараюсь.

Старушонка отворила скрипучую калитку, и спустя мгновение Михаил осматривал ведущую в дом ветхую лесенку.

– Хозяйка, а инструмент какой имеется?

В ответ бабушка отвела парня в сарай, где над небольшим верстаком на вбитых в стену гвоздях аккуратно был развешан разнообразный инструмент.

– Бери, что надо для работы, от мужа осталось, — проговорила старушка.

Михаил захватил банку с гвоздями, пилу, молоток и под присмотром бабушки проследовал к дровнику, где у ровных рядов колотых поленьев стояло несколько выдавших виды, но все еще довольно крепких досок. Михаил прикинул нужный размер, и спустя час место поломанных ступеней заняли новые.

– Принимай работу, хозяйка, – прокричал Михаил.

Женщина бегло взглянула на крыльцо, пару раз поднялась и спустилась и, улыбнувшись, проговорила:

– Теперь сущее удовольствие, а то стара я для акробатики – через ступени прыгать.

– Покрасить бы еще, чтоб дольше прослужили.

Женщина снова отвела Михаила в сарай, где он, вернув инструмент на место, отыскал банку серой краски и растворитель. Аккуратно выкрасив лестницу, Михаил оставил неокрашенным место, чтобы старушка могла ходить, и собрался распрощаться, обещая вернуться завтра и докрасить оставшуюся часть.

Но бабушка наотрез отказывалась отпускать помощника с пустыми руками и вручила ему увесистую котомку в качестве платы за работу.

Михаил вышел, обернулся и, радостно улыбнувшись старушке на прощанье, бодро зашагал к делянке, сейчас он ощущал себя молодым и здоровым, полным сил и был готов перерубить все березы разом. Вскоре проселочная колея привела парня к цели.

Он присел на пенек и не без интереса начал выкладывать содержимое котомки на землю. Первым попался сверток с уже знакомыми пирогами, кои он попробовал, еще чиня ступени. После были банки с соленьями: огурцы, грибы, помидоры, а завершала нехитрый продуктовый набор полулитровая бутылка с мутноватой жидкостью. Самогон являлся деревенской валютой с давних времен и охотно принимался многими в качестве оплаты за работу. Михаил сложил яства в котомку, отложил бутылку в сторону. Порывисто поднялся и принялся расхаживать взад и вперед по делянке в поисках надежного места, куда можно припрятать заветную емкость. Не найдя ничего лучше, чем прикопать сей клад под один из пней, Михаил с полчаса порубил дрова и отправился в дом за телегой.

Анатолий сидел на скамейке во дворе и беззаботно пускал дым, раскуривая сигарету без фильтра.

Увидев Михаила, он поднялся и, нахмутив брови, встряхнул правой рукой, освобождая наручные часы, едва видневшиеся на запястье из-под рукава мешковатой куртки, явно доставшейся Анатолию с чужого плеча.

– Что-то ты рано, я собирался идти к тебе помогать, толь-

ко решил покурить перед дорожкой.

Михаил ничего не ответил, лишь протянул хозяину котомку с продуктами.

Анатолий, швырнул ее в сторону, крепко сжал руку Михаила и злобно посмотрел ему в глаза.

Гость отвел взгляд, Анатолий резко подался в его сторону. Михаил зажмурился, ожидая получить удар, но Анатолий осекся, лишь замахнувшись.

– Еще одно правило. Не общаться ни с кем из местных, ничего не брать и никому не помогать, ты сюда не для этого приехал! Запомнил? – брызжа слюной в лицо Михаилу, прокричал Анатолий.

– Да, – виновато пряча глаза с наворачивающимися от обиды слезами, проговорил Михаил.

– Вот и славно, а теперь пойдем посмотрим, как ты поработал.

Михаил хотел было убежать, но что-то его останавливало, ему казалось, что эта агрессия ненастоящая, не мог по его представлению так внезапно меняться характер человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.